

АКСЕНОВА М.В.¹ СВОЕОБРАЗИЕ ОППОЗИЦИИ ГОРОД – ПУТЕШЕСТВЕННИК В РОМАНЕ Д. ДАНИЛОВА «ОПИСАНИЕ ГОРОДА»[©]

Аннотация. Статья рассматривает реализацию традиционной для травелога оппозиции «свое» – «чужое» в романе Дмитрия Данилова «Описание города», опубликованном в 2012 г. Название города не только не указано прямо, но спрятано за обилием ребусов, которые автор предлагает читателям. Создавая в тексте романа универсальное пространство провинциального города, автор поднимает вопросы обретения идентичности, освоения пространства и ощущения его «своим». «Описание города» – городской текст в «чистом» виде, так как сам город остается незазванным. В нем описаны типичные городские реалии, которые можно обнаружить почти везде (Ледовый дворец, магазины, дома, гостиницы, остановки).

Пространственное решение передвижения путешественника напоминает медленное перемещение по карте с тщательной фиксацией посещенных точек, где город воспринимается как упрямый противник. Множество загадок, повторяемых почти в каждом абзаце, усиливает впечатление тщетности усилий путешественника. Город не является составной частью сложного «другого», он вполне самостоятелен, равен по значимости путешественнику.

Ключевые слова: травелог; русская литература; образ города; художественное пространство текста; современная литература.

Для цитирования: Аксенова М.В. Своеобразие оппозиции город – путешественник в романе Д. Данилова «Описание города» // Социальные

¹ Аксенова Марина Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации НГПУ им. К. Минина, Нижний Новгород; ORCID 0000-0002-5581-9633; marina.v.aksenova@gmail.com

© Аксенова М.В., 2026

и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2026. – № 1. – С. 166–178. – DOI: 10.31249/lit/2026.01.09

Поступила: 12.06.2025

Принята к печати: 15.12.2025

AKSENOVA M.V.¹ The peculiarity of the city-traveller opposition in D. Danilov's novel *Description of the City*®

Abstract. The article examines the realization of traditional for travelogue opposition of self and the other in the novel *Description of the city* by Dmitry Danilov published in 2012. The name of the city is not given directly but is hidden behind a variety of riddles offered to the readers. The author creates the universal space of a provincial city and raises question of finding the identity and one's own place, exploring space and feeling it as "one's own". *Description of the city* is a city text in its 'pure' form, as the city itself remains unnamed. It contains the description of typical city locations that can be found anywhere (Ice palace, shops, apartment blocks, hotels, bus stops).

The spatial solution of the traveler's movement resembles the slow movement across the map with careful fixation of the visited points, where the city is perceived as a stubborn opponent. The multitude of riddles repeated in almost every paragraph reinforces the impression of futility of the traveler's efforts. The city is not an integral part of a complex "other", but is quite independent and equal in importance to the traveler.

Keywords: travelogue; Russian literature; image of a city; literary space of the text; modern literature.

To cite this article: Aksenova, Marina V. "The peculiarity of the city-traveller opposition in D. Danilov's novel *Description of the City*", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 1, 2026, pp. 166–178. DOI: 10.31249/lit/2026.01.09 (In Russian).

Received: 12.06.2025

Accepted: 15.12.2025

Дмитрий Данилов – современный российский автор, прозаик, драматург, поэт, обладатель престижных наград. Широкому

¹ **Aksenova Marina Viktorovna** – Candidate in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages Professional Communication, Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod; ORCID 0000-0002-5581-9633; marina.v.aksenova@gmail.com

© Aksenova M.V., 2026

кругу он известен как автор пьес «Человек из Подольска» (2016), «Сережа очень тупой» (2017), «Свидетельские показания» (2018). Среди крупных прозаических произведений можно назвать романы «Горизонтальное положение» (2010), «Описание города» (2012). В своих произведениях Данилов поднимает темы рутины и повседневности, города, одиночества в нем, абсурда современной жизни, поиска красоты. Исследователей часто привлекает драматургия Данилова, так как его пьесы с большим успехом ставятся на многочисленных театральных площадках; менее изученными остаются другие жанры. Тем не менее существует ряд работ, где в фокусе находится именно проза автора. Так, А.В. Пименова называет ее кинематографичной, уточняя, что под литературной кинематографичностью имеется в виду «включение в текстовое пространство элементов кинематографа» [Пименова, 2024, с. 130]. Также исследователь отмечает использование Даниловым визуальных образов и языковых метафор. Отдельные литературоведы указывают на ярко выраженное абсурдистское начало в произведениях Данилова [Ничипоров, 2023], где предметом высмеивания часто становится современное общество, погруженное в мелкие повседневные проблемы. В пьесе «Человек из Подольска» центром драматического конфликта оказывается неумение видеть красоту в обычном и рутинном, своеобразная близорукость героя. Такой взгляд без перспективы часто можно встретить в творчестве Данилова. Порой это нарочитая «слепота», порой – критика замысленности взгляда обывателя.

И. Кириенков обращает внимание на характерный для творчества Данилова интерес к «мелкой моторике бытия» и дотошное описание событий, которые при ближайшем рассмотрении событиями вовсе и не являются («Саша, привет!», «Горизонтальное положение», «Описание города») [Кириенков, 2022]. Ритуализация монотонных мелких действий придает им нечто магическое и в то же время абсурдное. О.В. Арязмова, исследуя отражение быденного языкового сознания в произведениях Данилова, приводит слова из его интервью: «Собственно, описанная в тексте повседневная кружащаяся, мельтешащая суета – она не только событийная, но и ментальная. Это не остановка мыслей и чувств, а просто погрязание в суете, обилие суетливых и пустых мыслей и чувств», цит. по: [Арязмова, 2013, с. 69]. Данилову интересны своеобразные «тени»: *не*-мысли и *не*-места, – все то, что существует, наполняя нашу жизнь и окружая события и предметы, которые мы признаем значимыми. Арязмова отмечает метарефлексивность

прозы автора, где повествование перемешано с описанием и авторской рефлексией. Для Данилова характерны нарочитые повторы, своеобразный «аутизм» авторской речи, многократные нанизывания однообразных конструкций [Арзямова, 2013, с. 69].

Роман «Описание города» Д. Данилова вышел в 2012 г., родившись, по словам автора, из эксперимента: можно ли чужой город сделать «своим», вжиться в него, полюбить. Город в романе не назван, однако при некоторых усилиях можно узнать его, разгадав все ребусы, предусмотренные автором. Повествованию задается определенная ритмичность: автор посещает город каждый месяц, и каждую поездку, словно исполняя ритуал, он реализует почти один и тот же маршрут. В «Описании города» Данилов обращается к сложной и богатой теме исследования образа города и городского пространства. Традиция изучения локальных текстов получила свое развитие в XIX в. В классической работе Н.П. Анциферова «Душа Петербурга» город предстает как особый локус, имеющий собственную мифологию и душу [Анциферов, 1922]. Важность коллективного сознания для образа города очень высока. Данилов почти вторит предисловию книги, написанному И. Гревсом к изданию 1922 г.: «Но надо уметь подойти к сложному предмету познания, в частности, понять город, не только описать его, как красивую плоть, но и почуять, как глубокую, живую душу, уразуметь город, как мы узнаем из наблюдения и сопереживания душу великого или дорогого нам человека» [Анциферов, 1922, с. 10]. «Понять и описать как красивую плоть» – сравним с «войти в печенки» у Данилова. Анциферов утверждает, что познание *genius loci* города требует ясного взора, и приводит в качестве обратного примера немецких романтиков, томящихся собственными идеями, далекими от духа города, а потому тщетно пытавшихся понять великие города Италии.

Также Анциферов пишет: «Л.Н. Толстой в свой эпопее “Война и мир” подсказывает нам правильный путь нахождения целостного образа города: созерцание его с высокой точки при подходящем освещении» [Анциферов, 1922, с. 21], приводя в пример созерцание Москвы с Поклонной горы. Герой Данилова, обзревающий карту, и он же, взирающий на город из самолета, следует толстовским указаниям точь-в-точь. И далее читаем у Анциферова: «Проф. И.М. Гревс рекомендует начинать “завоевание” города с посещения какой-либо вышки» [Анциферов, 1922, с. 22]. Завоевание, упомянутое здесь, вполне соотносится с несколько милитаристским духом «Описания города» у Данилова.

Таким образом, современный и довольно необычный по стилю роман Данилова вполне встраивается в классическую традицию исследований городского пространства.

Рассказчик у Данилова не раскрывает истинный смысл явлений, порой даже словно бы не понимает переносное значение слов, анализируя все преувеличенно буквально, создавая таким образом и комический эффект. Возможно, так он сохраняет описанную Анциферовым яность сознания. Взгляд «сверху» с возможностью увидеть полный масштаб появляется лишь в моменты стратегического планирования изучения города: исследование его карты и затем созерцание города из бортового иллюминатора. В остальные моменты город представлен как череда очень похожих улиц, домов и тропинок, безмянных и словно бы бессмысленных.

Исследования образа города были реализованы в трудах М.Ю. Лотмана, В.Н. Топорова и других. М.Ю. Лотман рассматривал город как сложную семиотическую систему, генерирующую культуру [Лотман, 2000, с. 162]. В.Н. Топоров раскрыл понятие «городского текста» как полной совокупности всех сообщений города: от названий его улиц до надписей и звуков [Топоров, 1995]. Вслед за исследованиями крупных городов появились и работы о локальных текстах русской провинции, посвященные часто отдельному провинциальному городу. Свообразие «Описания города» заключается в том, что в нем нет ни уникальных, присущих конкретному городу явлений или событий, ни повторяющихся мотивов или идей, что также можно было бы использовать как доминанту локальных текстов. И в отличие от образа Петербурга с его богатейшим культурным контекстом, город в романе Данилова выглядит довольно «бедным». Единственный факт, относимый к культурной биографии города, – проживание известного писателя в доме 47, причем этот дом, уже не существующий, также относится к *не-местам*.

О.В. Вороничева находит связь между Брянском в восприятии Л. Добычина и городом, описанным Даниловым. Добычин – тот самый известный писатель, остатки дома которого осматривает путешественник Данилова¹. «Роман Дмитрия Данилова “Описание города” подтвердил факт того, что добычинский образ Брянска влияет на восприятие города его жителями и гостями», – пишет Вороничева [Вороничева, 2016, с. 88]. Это подтверждает косвенно

¹ Л.И. Добычин (1894–1936) – русский писатель, автор рассказов, романа «Город Эн», жил и работал в Брянске.

и сам автор. В одном из интервью Данилов говорит, что именно Добычин – главный герой романа, и сам он – большой поклонник его творчества [Данилов, 2013]. Картины жизни в Брянске у Добычина и Данилова довольно похожи. Например, Вороничева приводит цитаты из текста Добычина: «Часто пили друг у друга чай...»; «Отец, приподняв брови, думал над пасьянсом. Мать порола ватерпруф. Сорокина раскрыла книгу из библиотеки. Тикали часы. Били. Тикали. Собака за окном лаяла по-зимнему», цит. по: [Вороничева, 2016, с. 86]. Сравним это с отсутствием значимых событий и изображением рутины в тексте Данилова. Таким образом, «Описание города» оказывается логично вписано и в многообразие локальных городских текстов, а также имеет связь с уже существующими произведениями.

Замысел и сюжет романа (более близкого по жанру к лирико-философским путевым заметкам) позволяют отнести его к большому классу так называемой литературы путешествий, травелогам, в которых центральной оппозицией становится «свое» и «чужое», где «свое» представлено путешественником, а «чужое» – тем миром, который он познает. Познание «другого» также вполне отвечает целям травелога и совпадает с целью, заявленной Даниловым: «чтобы вошел в печенки».

Особенности дискурса литературного травелога предполагают диалог между путешественником и местом, куда он отправляется, узнавание «другого» («чужого»), постепенное приближение к нему. Образ «другого» часто связан с определенной страной, нацией, культурой, и сам город, куда приезжает путешественник, является частью этого образа, одной из его граней [Аксенова, 2018]. В то же время существующее в литературоведении понятие «городской текст» (петербургский, московский и т.д.) делает город или даже его части важнейшим участником событий, связывающим воедино героев, мотивы и образы.

Город же в романе Данилова – явление или сущность гораздо большие, чем просто локация. Это нечто, наделенное сознанием и волей. Не зря автор в начале рассматривает «кандидатуры» городов, словно выбирая из возможных противников: «Рассматривалась кандидатура города К. Его большим преимуществом является наличие клуба по хоккею с мячом. Минус – довольно большое расстояние от места постоянной дислокации» [Данилов, 2012, с. 9].

Автор разрабатывает подробный план в числах, с конкретными датами, превращая поездки в город в осаду города. «Понять» превращается в «овладеть», «присвоить» (буквально «поместить в

печенки», поглотить). Данилов наглядно визуализирует процесс узнавания и понимания: сделать своим, сделать частью себя. Мотив своеобразного «военного» противостояния поддерживает и описание попутчика автора по дороге в город: он строг и неприступен, молчит на пожелание ему доброго утра. «Утром за полчаса до прибытия в описываемый город строго проснулся, строго-резко встал, молниеносно надел поверх черных треников строгие черные брюки (такой способ вставания и одевания иногда называют “повоенному”» [Данилов, 2012, с. 10].

Придуманый план (посещать город каждый месяц в течение года) и аккуратная фиксация перемещений в горизонтальной плоскости, преобладающей в маршрутах путешественника, создают ощущение медленного передвижения по карте, где перечислены все повороты, заборы, станции. Пространственная модель города, доступная путешественнику, разворачивается лишь в горизонтали: автор движется мелкими шагами, тщательно документируя свое передвижение в книге и называя себя «наблюдателем». Более высокая позиция, связанная с вертикальным освоением города, доступна только его жителям: «на дне оврага существует жизнь, там стоят многочисленные избушки, петляют дорожки, дети под воздействием силы земного тяготения съезжают со склонов оврага на санках» [Данилов, 2012, с. 38], сам же автор на овраг лишь «любуется». Город не позволяет путешественнику стать выше в буквальном смысле, и даже мост в городе наплавной – не отрывающийся от уровня земли. Путешественник встречается с дискомфортом в первых главах, он скользит и падает на улице, город создает ему сотни небольших, но неприятных неудобств.

Ребусы и загадки, где зашифровано название города, повторяются почти в каждом абзаце. Они подчеркивают тщетность усилий путешественника. Этот город неизвестный, однако совершенно обыкновенный и типичный. В романе перечисляются до смешного узнаваемые городские реалии: Ледовый дворец в Такомто районе, улица, название которой образовано от названия месяца, станции под названием «Город-I» и «Город-II», а также бесчисленные обледенелые тропинки, маленькие и большие проспекты и грязные улицы, музей писателя, жившего когда-то в городе и написавшего о нем две строчки и т.д.

Путешественник исследует внешнюю форму города, его физическую оболочку: станции, улицы, вокзалы, торговые центры. Однако он не может проникнуть внутрь, увидеть его суть и то, чем город наполнен, чем он живет и дышит. Время от времени он

словно пытается стать частью пространства, замирая ненадолго на лавочках и станциях, так и обозначая это в тексте: «сидение на лавочке», «сидение на автобусной остановке».

Прием остранения, который использует Данилов, позволяет обойтись и вовсе без какого бы то ни было необычного или тем более экзотического элемента, невольно ожидаемого в травелогге. Жизнь в городе и распорядок, привычный его жителям, максимально типичны и обыденны. И.Р. Куряев указывает на зыбкость и неопределенность локаций, которые посещает автор, и обращает внимание на то, что посещает он скорее *не-места*, чем места – то и дело появляются тупики, заброшенные дома, некие провалы в городской ткани [Куряев, 2024, с. 193]. Эти точки неспособны произвести ничего значительного для повествования и могут быть лишь тщательно описаны, что и делает путешественник. Именно умение видеть дальше «тупиков повседневности» роднит и драматургию Данилова, и «Описание города», где автор намеренно петляет по *не-местам*, которые на первый близорукий взгляд не несут в себе никакого смысла. Смыслами их наполняет сам читатель, узнавая в намеченных Даниловым типичных локациях магазины, стадионы, остановки из своего собственного опыта. В. Сердечная отмечает кафкианские мотивы в творчестве автора: «В бессюжетной прозе Данилова (“Горизонтальное положение”, “Сидеть и смотреть”, “Черный и зеленый” и др.) кафкианское начало проступает в отстраненном наблюдении над ежедневной реальностью и выявлении в этой реальности метафизической подоплеки» [Сердечная, 2024, с. 247]. В. Сердечная называет прозу Данилова «бессюжетной», однако это не совсем так. Действительно, роман «Горизонтальное положение», о котором пишет исследователь, намеренно представляет действия героя как состояния, подменяя глаголы отглагольными существительными (сидение, слушание и т.д.). Подобное можно обнаружить и в «Описании города», где само название можно прочесть как процесс. Тем не менее «Описание города» начинается именно с действий, глаголов (взять и описать), которые формулируют цель героя.

Кроме автора, все персонажи имеют свою собственную роль или функцию в городе: таксисты, работники гостиницы, прохожие, пожилые женщины с сумками. Город общается с автором издевательскими заголовками в газетах, напоминающими образцы плохой провинциальной прессы («Заметка “Несчастливый номер” в рубрике “Гримасы бытия”. Заметка “Вспыльчивый ухажер”. Телепрограмма. Заголовок “Волчара снова в деле” (анонс сериала

“Мент в законе-2”). Заметка “Кто круче Игоря Крутого?”. Огромная статья “Приговоренные” о том, как люди насмерть отравились стеклоочистителем» [Данилов, 2012, с. 51]). Он не пытается казаться сложным, скорее наоборот, демонстрирует автору нарочитую и непривлекательную обыденность, и тем ярче контраст с моментами его случайно мелькнувшей пронзительной красоты («Фотография, сделанная коммуникатором на станции <Фамилия крупного деятеля большевизма>град, бесследно исчезла из коммуникатора. Что-то там с картой памяти случилось, часть данных куда-то невосстановимо подевалась. Ну да ладно» [Данилов, 2012, с. 35]).

О субъективности восприятия образа места говорит и сам автор. Зачарованный волшебным неземным гулом в некотором пустом месте, он возвращается туда снова в следующий визит, однако место уже не волшебное, а совершенно обычное. В итоге он объясняет такое резкое преобразование пространства «разными состояниями наблюдателя в первом и во втором случае» [Данилов, 2012, с. 60].

Город словно скрывается от путешественника, надстраивая невидимые ему уровни: так, упоминается, что пассажиры автобуса просят «сделать остановочку» в определенном месте, например, у самолета. Таким образом, существует две системы остановок: официальная, с остановочными павильонами, и другая, невидимая, где остановки создаются на несколько секунд и тут же уничтожаются. Автор исследует лишь видимую часть города, выраженную в его транспортной системе, станциях, улицах, домах, но невидимая живая часть ему пока не открыта. Своеобразная «слепота» или узость взора путешественника поддерживается и особым его слогом, игрой слов, сопоставлением буквальных и переносных значений: «По пути была замечена вывеска “Ювелирный магазин. Лучшая цена в городе на цепи”. Город на цепи? Почему город на цепи? Город как цепная собака? Город посажен на цепь? Что это значит? Как это? Может быть, это какой-то острополитический намек? Или что? А, это не город на цепи (ударение на последнем слоге), а цена на цепи (ударение на первом слоге). Цена на цепи. То есть цепи стоят недорого. Или дорого, но дешевле, чем в остальных местах города, который не на цепи, а просто город. Какие цепи? Велосипедные? Те, кроме которых нечего терять пролетариату? Почему цепи? Только минут через пять или даже десять случилось озарение – это ювелирный магазин, и имеются в виду цепочки, которые надевают на шею» [Данилов, 2012, с. 79].

Автор демонстрирует читателям наивного рассказчика, который якобы не может определить контекст употребления слов, однако такая наивность – намеренно надетая на себя маска, автор совсем не наивен, его шутки и отсылки довольно тонки («Глиняные сосуды эпохи бронзы. Сосуды глиняные, а эпоха бронзовая. “Му-му” написал Тургенев, а памятник – Пушкину» [Данилов, 2012, с. 86]), слог ироничен («издавал при помощи этих музыкальных инструментов немусикальные звуки» [Данилов, 2012, с. 88]). Как город демонстрирует путешественнику одно лишь горизонтальное измерение, так и сам путешественник сознательно изображает из себя героя Зоценко, наивного простака.

Видимое и зримое закрывает собой еще один пласт реальности невидимой («Автобус ехал мимо непонятно чего» [Данилов, 2012, с. 99]). Автор описывает предметы с очень конкретными характеристиками (заборы, дома, дороги и пр.), однако за ними не видно сути места, его функции или роли в городе: «Не жилой район с жилыми домами и не промзона с заводами, с дымящими или не дымящими трубами, и не сельская местность. А что-то трудноопределимое» [Данилов, 2012, с. 99]. Более того, некоторая стена воздвигается и между читателем и автором. В июне он упоминает, что посетил древний монастырь недалеко от города, однако предпочитает об этом не рассказывать: «Можно было бы подробно рассказать о монастыре, о двух сохранившихся храмах, о восстановительных работах, о захватывающих видах, открывающихся с монастырской стены, но делать это совершенно необязательно» [Данилов, 2012, с. 125].

Бывший дом 47 в первое посещение в январе представляет собой пустое место, огороженное железным забором. Дом был снесен много лет назад, однако ни один из планов застройки участка так и не реализовался. Автор осматривает эту пустоту всякий раз, приезжая в город. В феврале забора уже нет, видна часть кирпичной стены, однако на этом развитие мини-сюжета останавливается. С марта по декабрь автор, навещаясь туда, видит все то же пустое место. Изменения все же происходят, но не там, куда устремлен взгляд путешественника, а в сознании автора, в сложности ассоциативных связей с этим местом.

Любопытно, что читателю представлены не только существующие, но и уже несуществующие реалии города (*не-места*): представлен сам снесенный дом 47, где жил выдающийся русский писатель. Мы узнаем, что один этаж был деревянным, другой частично каменный, и представлял он собой типичный купеческий

дом XIX века. Также узнаем, как упомянутый писатель рассказал о виде на луга, реку и вокзал («За лугами проходили поезда и сыпали искрами» [Данилов, 2012, с. 37]), однако те самые луга открываются путешественнику не сразу. По мере «освоения» и описания города такие несуществующие явления обретают жизнь и видимые очертания: уже во второй приезд автор все-таки находит тот самый вид на заливные луга, так как по стечению обстоятельств он вынужден остановиться в другой гостинице.

Пустое место и добычинский дом 47 приоткрывают путешественнику новое измерение во времени, где можно увидеть, как выглядел дом раньше и ожидать дальнейших изменений этого участка в будущем. «Выдающийся русский писатель», упомянутый в тексте, – отчасти двойник самого путешественника, который тоже становится русским писателем, периодически жившим в этом городе и описавшим его. Приведенные в книге цитаты из произведений «выдающегося русского писателя» на удивление похожи на описания города самим путешественником. Неслучайно ощущение города «в печенках» приходит к нему именно тогда, когда работа по описанию уже завершена, и след в городе им оставлен.

В апреле путешественник начинает обретать чувство принадлежности себя к городу, а города к себе: «Вот оно, вот оно. Вот оно. В процессе перехода перекрестка по диагонали от сквера с памятником выдающемуся русскому поэту к Центральному универсальному магазину почувствовалось, что описываемый город начинает входить в печенки. Не вошел, а только-только начинает» [Данилов, 2012, с. 66]. То же он чувствует и во время ликования стадиона в момент победы городской команды, однако полное соединение и освоение происходит лишь в момент остранения, когда автор мельком видит город из окна самолета, пролетая по совсем другому маршруту.

В романе Данилова мы видим город как локацию на карте, как культурное пространство, как семиотическую систему (это и в чистом виде городская текст: надписи на зданиях, объявления, регулярно прочитываемая героем городская пресса). Образ города как метафизического пространства, наполненного мифами и идеями, реализуется через авторскую «близорукую» подачу: намечены контуры и ближайшая перспектива, однако пространство очень узнаваемо вследствие своей типичности.

Отсутствие названия города делает возможность «стать своим» или остаться «в печенках» применимой почти для любой точки на земле, масштабируя проблематику романа до философского

вопроса о поиске места в жизни и нахождении своего пути. Возможно ли обрести себя, просто проживая саму жизнь? Философско-отстраненный тон наблюдателя, прячущегося за маской наивного рассказчика, как нельзя лучше подходит для осмысления этого вопроса и достижения цели путешествия – познать себя, познав другого. Город противостоит путешественнику, однако это противостояние неуловимо и не выражено в открытом конфликте, а лишь проявляется во множестве ускользающих деталей, в полунасмешках, отчуждении. За минималистичным текстом бессвязных наблюдений скрыт экзистенциальный вопрос о бытии и месте в мире, который не решается рационально, но раскрывается через ощущения и саму жизнь.

Список литературы

Аксенова М.В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 3 (31). – С. 170–176.

Анциферов Н.П. Душа Петербурга. – Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1922. – 227 с.

Арязмова О.В. Отражение обыденного языкового сознания в композиционно-речевых структурах текста (на материале художественной прозы Дмитрия Данилова) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 4 (37). – С. 69–75.

Вороничева О.В. Брянский текст Л. Добычина // Культурное наследие России. – 2016. – № 2. – С. 84–89.

Данилов Д. Описание города. – Москва : Астрель, 2012. – 253 с.

Данилов Д. Дмитрий Данилов: Сегодня очень не хватает образованных православных / интервьюер Ю. Рахеева // RGRU [Электронный ресурс]. – 2013. – 23.07. – URL: <https://rg.ru/2013/07/23/kniga-site.html> (дата обращения: 01.08.2024).

Кириенков И. Важная книга: «Саша, привет!» Дмитрия Данилова // Polka Academy [Электронный ресурс]. – [2022]. – 26.01. – URL: <https://polka.academy/materials/837> (дата обращения: 01.08.2024).

Куряев И.Р. Репрезентация города в прозе Д. Данилова (романы «Описание города», «Саша, привет!») // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 185–199.

Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. – 704 с.

Ничипоров И.Б. Абсурдистская картина современности в пьесах Дмитрия Данилова // Stephanos. – 2023. – № 1 (57). – С. 120–127.

Пименова А.В. Визуальная метафора в кинематографической прозе Дмитрия Данилова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 1. – С. 129–137.

Сердечная В.В. Дмитрий Данилов как читатель Франца Кафки // Практики и интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2024. – Т. 9, № 4. – С. 244–258.

Топоров В.Н. Петербургские тексты и Петербургские мифы (Заметки из серии) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. – Москва: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995. – С. 368–399.